ПОД КРОВОМ КРЫЛ.

ОН ДОЛЖЕН ПРИЙТИ В ЧЕТЫРЕ

Виктор Теплицкий, –

писатель, священник, лектор г. Красноярск

UNDER THE ROOF OF THE WINGS.

HE SHOULD BE HERE AT FOUR

Victor Teplitsky, –

the writer, a priest, lecturer, Krasnoyarsk

Пуля искала полковника.

Повинуясь чужой воле, вырвалась из раскалённого ствола. Она со свистом рассекала воздух, неотвратно приближаясь к аорте... Но в последнее мгновение невидимое крыло укрыло человека. И пуля пронеслась мимо. Цокнула о камень, потерялась в горах. Но не забыла того, кому была предназначена.

Полковник слышал, как щёлкнула пуля. Учужал смертную тень, скользнувшую по шее. Он отполз в укрытие, вставил в автомат новый магазин. Сейчас было не до размышлений: рота вела бой.

И только потом, отхлёбывая из фляжки тёплый спирт, вспомнил о пуле. Вспомнил и о том, как первый раз оказался в горах – зелёным, безусым рядовым. Три дня лежал на скале. Ждал караван. Пылало чужое солнце, злился холодный ветер, давила глыбой тишина. Духи обматывали тряпками копыта ишаков, и потому нужно стать слухом, превратиться в камень... Но вот щель прицела находит фигуру человека. Палец жмёт на спусковой крючок. Тишина взрывается, раскалывается на куски... грохот, крики, дым...

Сначала он выполнял приказы; крыл свинцом, ходил врукопашную. Но ещё в те годы – болтаясь на горячей броне – понял: война приросла к нему, пустила корни. И вскоре он командовал сам.

Были горячие точки. Обходные манёвры, рейды, зачистки. Были награды

и потери, холодные цифры рапортов. Он узнал, что такое боль тела. Как нестерпимо болит душа, откроется позже. Как и то, что самые страшные раны – лица убитых врагов. Эти осколки с корнем не вырвешь.

А ещё он вспомнил мать на пороге, пальцы, сложенные щепотью, губы шепчущие: «Живый в помощи Вышняго...» Ему врезалась строка: «...покроюсь в крове крыл твоих...» Полковник верил: он будет под кровом крыл, пока молится давшая ему жизнь.

Он воевал долго. У страны много недругов, а он дал присягу. Огни иноземных городов, незнакомая речь... ему казалось, что он привык. Первая жена не выдержала тяжести расставаний; ушла, оставив короткую записку. Когда полковник вернулся в брошенный дом, начался ад. Он пил с друзьями и незнакомцами, в компании и в одиночку. Пил до беспамятства, надеясь залить свои раны, своё одиночество... А потом уезжал воевать.

Но на этот раз – всё. Для него война закончилась. Пуля прошла мимо, и, значит, ему дозволено жить... Он снова отхлебнул из фляжки.

Прошли годы. Страна в полковнике больше не нуждалась и старалась о нём забыть. Женщины долго не задерживались. Но одна почему-то осталась. Он ухватился как утопающий за соломинку. Она стала его женой. Ей – маленькой и хрупкой – хватало сил тащить полковника. Терпеливо, безропотно, веря, прощая. У них родилось четверо ребятишек – три мальчика и девочка. Полковник старался держаться на плаву: загружал себя работой, носил в сердце поцелуи любимой и объятья детей, строил дом, сажал деревья. Бурно текла мирная жизнь. Но временами его накрывало: выстрелы, хрипы, осколки... Он кидался к бутылке и пропадал на неделю, а то и на две. Тело уже не выдерживало; врач, подходя к постели, укоризненно цокал языком. Полковник лил холодную воду на голову (только так отступала контузия), а в горло вливал алкоголь. Когда возвращался к семье, обещал, что это последний раз.

Он похоронил мать и был убеждён: он уже не под кровом; где-то его ищет ненасытная пуля. Когда слышал смех детей, молил, чтобы пуля его потеряла, а

когда душу рвали лица-осколки – чтобы нашла.

Но иногда сквозь осенние ветки полковник смотрит на звёздное небо. И тогда отступает тревога. И восходят на сердце ясные мысли. О невидимых крыльях. О той, что дала ему жизнь, и о Том, Кому она молилась. И пока полковник ищет Того, Кому она молилась, пуля будет кружить, требуя мести.

Настигнет?

Это знает лишь Тот, Чьё крыло укрывает полковника.

Он должен прийти в четыре

Он должен прийти в четыре. Вчерашний звонок вмиг перевернул всё. Словно ветер весело шаркнул по сухой листве. Пыль поднялась и тут же развеялась четырьмя буквами на экране телефона.

Он был немногословен. Просто сказал, что «завтра заскочит». Но от этих коротких фраз в комнате будто посвежело, за окном потеплело, городского снега стало меньше, а февральского солнца – больше. Настолько больше, что этот снег начал наконец-то таять. И тогда я захотела в этом убедиться. Так я решилась.

Почему? Наверно, всё от того, что он сказал «заскочит». Это прыгучее, смешливое слово вдруг закипело во мне ключевой водой с такой силой, что я отшвырнула плед и ухватилась за спинку дивана. Мамы дома не было, бабушка закрылась у себя перед телевизором, а тело упрямо тянулось за рукой. Так я села.

Боль остро-остро заскребла коготками. Но слово уже безостановочно бурлило тремя весёлыми пузырьками – гласными. Оно будто жило во мне само по себе! Так я поняла: мне необходимо увидеть жизнь – настоящую, неумолкающую ни на секунду. Дойти до окна. Там – за стёклами – она. Играет и кипит. Что ей сырой городской ветер или обезображенный снег! О, как же неистово она бьётся в окно!

Я всё-таки поднялась, хотя ноги этого совсем не желали. Как будто слово наполнило только верхнюю половину тела, а нижняя осталась в немоте. Но всё-

таки через спинку дивана, край письменного стола, дверцу шкафа я добралась до стены.

Какие глупые картинки на обоях! Как я раньше этого не замечала? Так, куда дальше? А ведь он говорил немного. Сотовая связь и всё такое. Но он обещал. А где будем общаться. На кухне? В комнате? Полчаса? Час? Больше?! Стоп. Прекрати мечтать, дура! Тебе же хуже будет. Я должна отучиться мечтать? Но почему?! Стоп! Стоп, я сказала! Хватит! Сейчас я просто должна опереться двумя руками о стену и идти боком, переставляя негнущиеся ноги.

Я двигалась, выдавливая из себя шаги. Вперёд? Назад? Теперь всё относительно. И теперь всё – медленно. В этой комнате жизнь замедляется. Она не скачет. Она плавно останавливает ход. Как и время. Настанет момент, стрелки совпадут и застынут в вечной немоте. Хотя он говорит, что это не так, время плавно вольётся в вечность, а вечность – это безостановочное движение. Вперёд. Назад? Он говорит, что всё определяет наш свободный выбор. У него он есть. А у меня? Почему-то, когда гляжу на комнату, заклеенную тусклыми обоями, заставленную громоздкими, угловатыми вещами, приходят мысли цвета поздней осени – точь-в-точь как на моих рисунках.

Я прошла больше половины пути. Столик у дивана, заваленный таблетками и шприцами, остался позади. Со всем тем, что поддерживает жизнь, но почему-то напоминает о...чём-то другом. Не хочу произносить это острое серое слово.

Да, знала бы о моих подвигах мама! Однажды я ходила к окну самостоятельно. Не дошла. На моё счастье, мама тогда вернулась быстро.

Когда я обогнула книжную полку, у меня закружилась голова. Как в прошлый раз. Стена куда-то медленно поехала. Я помнила: нужно быть ближе к стене и крепко-крепко держаться за неё руками. Как альпинисты, когда идут над пропастью. Он рассказывал мне про горы и сам бывал там не раз. Я тоже альпинист! Ха! Только они карабкаются вверх, а я двигаюсь куда-то в сторону. Они всё подальше, да повыше – от суеты, а я прямо к ней, в самую гущу. Мне

так необходим хотя бы глоток чужой жизни!

До окна всего метр – это пять моих шажков. Пять движений косного тела до чужого, шумного мира. Пять шагов по скальному карнизу. Начали.

Раз. Очередная иллюзия?

Два. Может быть.

Три. Не смотря ни на что, я продолжаю.

Четыре. Зачем?

Пять. Не знаю.

Но, когда он придёт, мамы не будет. Нужно его встретить, проводить на кухню, напоить чаем. И мы будем разговаривать! Целых полчаса! А может, больше? А может, время замедлит ход и вольётся в вечность? Ту, что движется верёд. И я буду нужна! На целую вечность! Целую вечность без столика с лекарствами и мазями! Будет жизнь. Настоящая. Как эта!

Вчера я дошла до окна. А сегодня всё это выглядит глупым и нелепым.

Я стояла, держась за оконную ручку. Смотрела. Слушала. Сначала улыбалась. Потом стали неметь руки, по ногам побежала дрожь. Мелкая. Гнусная. А потом мерзкое чувство беспомощности, страха и отчаянья. И уже не до чужой жизни – надо спасти свою.

Я искала пути к отступлению, но их не было! Тело застыло в судороге. Тело сдавалось. Я висела над пропастью и чувствовала, как предательски разжимаются пальцы. Я уже была готова закричать, когда в замке зашевелился ключ. Мама!

Она, конечно, меня отругала. Но я знаю, что потом она тихо плакала в своей комнате. Укрытая пледом, без дрожи, я ей сказала, что завтра придёт он.

Скоро четыре. Я сижу в коридоре на пуфике, в руке телефонная трубка, но я жду звонка в домофон. Я открою сама. Мамы нет, и я слышу, как скрипят половицы под неспешными шагами бабушки. На кухне всё приготовлено: две чайные пары, печенье в вазе, конфеты на блюде, тёплые пирожки под

салфеткой, завтрак укутан полотенцем; два стула – рядом. До его прихода остаётся совсем немного – всего несколько минут. Я вижу в зеркале своё отражение, часть прихожей, часы на стене и две тоненькие стрелки на серебристом циферблате – одна застыла, другая пока движется. А вдруг он не придёт? Нет, не верю! Сегодня я настроена жить. Жить – и точка! Жить столько, сколько будет длиться наша встреча. Знать бы только, сколько это по времени? А впрочем, зачем? Сколько бы ни было, я буду каждую минуту *проживать*; впитывать в себя, как раскаленный песок влагу. Ведь если ты кому-то нужен, пусть даже на короткое время, пусть даже на «заскочить», значит, есть смысл жить. Но хватит умничать, ещё немного и в тишину коридора ворвётся трель звонка...

Я сижу перед входной дверью с телефонной трубкой в руке. Жду... Он должен прийти в четыре... Должен... прийти...